

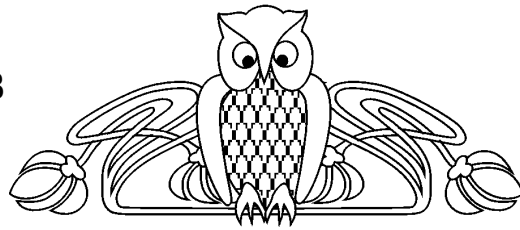

УДК 94(47)084.8

УКРАИНСКАЯ ТЕМА В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье показываются основные аспекты рассмотрения украинской темы в Обществе историков-марксистов во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. Отмечается, что Общество сыграло ключевую роль в научной дискредитации и организационном развале национальной украинской историографии, содействуя власти в решении текущих политических задач и продвижению новой концепции отечественной истории.

Ключевые слова: Общество историков-марксистов, украинская историография, борьба с буржуазным национализмом, национально-демократический уклон.

The Ukrainian Topic in the Marxist Historians' Society

V. N. Danilov

This article shows the basic aspects of analyzing the Ukrainian topic within the Marxist Historians' Society during the second half of the 1920s – the beginning of the 1930s. It is stated that the Society played a key role in the scholarly discredit and organizational disintegration of the national Ukrainian historiography, assisting the authorities in solving current political agenda and in promoting a new concept of native history.

Key words: Marxist Historians' Society, Ukrainian historiography, struggle against the bourgeois nationalism, national-democratic bias.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-22-30

Общество историков-марксистов, созданное в 1925 г. и активно действовавшее под руководством М. Н. Покровского до начала 1930-х гг., вошло в историю советской историографии как организация воинствующего толка, много сделавшая для борьбы с историками «старой школы», утверждения монопольного положения марксистско-ленинской методологии и проведения партийной линии в исторической науке. Хотя при основании Общество включало в себя небольшую группу марксистских историков из Москвы и было оформлено при Коммунистической академии общественных наук, фактически с самого начала оно стало претендовать на всесоюзный статус. Уже на учредительном собрании Общества 2 марта 1925 г. в качестве приоритетной была выдвинута задача «объединения всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории»¹, что предполагало решительное распространение организационного и идейного влияния в масштабах СССР на все центры, где работали историки. Из всех существовавших на тот момент союзных республик наиболее интенсивной и объемной эта работа была на Украине.

После окончания Гражданской войны строительством институтов украинской государственности (самостоятельно, а потом в составе Советского Союза) и большевистская политика «украинизации» открывали вполне благоприятные возможности для продвижения национальной украинской историографии. Различного рода научно-исследовательские структуры исторического профиля создаются не только в городах, где с дореволюционных времен существовали университеты, – Киеве, Харькове, Одессе, но и в провинциальных – Полтаве, Нежине, Днепропетровске, Каменец-Подольске и др. В ситуации компромиссных решений, характерных для нэповского периода, позволялось иметь «богатомовносність» исторических концепций. С этой целью, в частности, в 1924 г. было разрешено возвращение символа украинской «самостийной историографии» и главного адепта националистической схемы «украинского исторического процесса» – М. С. Грушевского и активная его работа во Всеукраинской академии наук. В целом к середине 1920-х гг. на территории советской Украины формируется несколько историографических течений, имевших национальный характер: культурно-историческая или социологическая, а скорее, неонародническая школа М. С. Грушевского в Киеве, историко-экономическая школа Д. И. Багалая в тогдашней столице республики Харькове, историко-правовая школа М. П. Василенко, группа по изучению истории общественных движений во главе с С. А. Ефремовым и марксистское направление, куда главным образом входили историки из Украинского института марксизма-ленинизма в Харькове и Центрального архивного управления УССР². Таким образом, как и в России, в 1920-е гг. украинская историография, была представлена не только местными марксистами, но и «старыми» национальными историками, избравшими по разным мотивам путь сотрудничества с советской властью. Пользуясь поддержкой со стороны партийно-государственного руководства республики (А. Я. Шумский, Н. А. Скрыпник, А. А. Хвилья-Олинтер и др.), они, в первую очередь Грушевский, до поры до времени не ощущали серьезного давления, выдавали большой объем научной продукции и с завидной легкостью решали организационные вопросы.

Впервые украинская тема в Обществе историков-марксистов была поднята в связи с появлением

в литературе, выходящей к столетнему юбилею восстания 1825 г., вопроса о так называемом «украинском декабризме», получившего тогда отражение практически во всех течениях украинской историографии. По сути, этот вопрос был новым для нее явлением, но он хорошо коррелировался с политико-идеологической обстановкой того времени в СССР. Взвалив на себя бремя «попутничества», украинские историки теперь стремились не только продолжить начатую еще до установления советской власти работу по обоснованию особого национального исторического процесса, но и наполнить его большим революционным содержанием. Как писала в обзорной статье о юбилейной литературе по декабристам (она была опубликована в 1927 г. в печатном органе Общества – журнале «Историк-марксист») будущий академик и классик советского декабристоведения, а тогда еще относительно молодой ученый М. В. Нечкина, «в то время, как богатая, но скупая архивная Москва скарредно отчитывала документы о декабристах, подлежащие опубликованию, и безжалостно кромсала и сокращала уже написанные статьи, Украина была исключительно приветлива и щедра, одной черточкой, хотя бы давно известной из других источников, было достаточно, чтобы документ любовно переписывался, тщательно комментировался, аккуратно препарировался в статью и помещался в одно из юбилейных изданий»³.

Ключевым моментом статьи М. В. Нечкиной, которая до этого сама подготовила ряд работ об Обществе соединенных славян, была критика концепции о существовании особого «украинского декабризма», выдвинутой тремя украинскими историками-академиками М. С. Грушевским, Д. И. Багалеем и С. А. Ефремовым. Всех их, далеко не соратников в научной повседневности, одинаково, по мнению автора, в данном случае тревожил вопрос: «“Українські декабристи чи декабристи на Україні?” Входили ли органически национальный украинский вопрос, украинская самостоятельность в политическую идеологию декабристов, действовавших на Украине, или они оставались чуждыми украинскому национальному вопросу москалями? Украинские академики были склонны решать вопрос в первом смысле и утверждать, что в истории борцов за самостоятельную Украину особую страницу занимают еще неведомые науке “українські декабристи”»⁴.

Возражая против такого подхода, М. В. Нечкина вполне резонно замечала: «Среди декабристов, действовавших на юге, есть подлинный украинцы по происхождению, политический протест которых вырос на фоне украинской экономики и социального строя. К этой группе относятся многие члены Общества соединенных славян. Поэтому при изучении их идеологии надо принимать во внимание украинскую действительность той эпохи. Но среди декабристов, действовавших на юге, есть лица, политический протест которых воспитан не в украинской среде ... и попали-то на

Украину не по своей воле. Зачислять последнюю группу в ряды украинской интеллигенции нет решительно никаких оснований ... Украинская интеллигенция (славяне) не имела в своей идеологии национальных украинских элементов и в плане будущего объединения славянских республик не имела в виду Украины, как самостоятельной национальной единицы. Из того, что Сухинов говорил по-украински, а юнкер Драгоманов был дядей известного М. Драгоманова, нельзя вывести решительно ничего»⁵.

В итоге на основе всего приведенного в статье материала М. В. Нечкина делала весьма сдержанные выводы, без каких-либо политических обвинений: нет «украинских декабристов», а есть украинцы среди декабристов, которых можно изучать как определенную струю (но не этап) в эволюции местной интеллигенции, украинская литература о декабристах не была строга в методологическом отношении и не разработала подробно предпосылок и существа поднятой проблемы, новая общая концепция южного декабризма не обоснованна и в существе неправильна⁶. Вновь вопрос об «украинском декабризме» всплывет в Обществе во время Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в конце 1928-начале 1929 гг., но уже в другом контексте, о чем будет сказано нами позже.

Среди спорных суждений о декабризме на Украине М. В. Нечкина отметила и концепцию самого видного представителя украинской марксистской историографии М. И. Яворского, который считал декабризм на Украине первой программой нового этапа революционной борьбы в крае⁷. Тем самым невольно обращалось внимание на смыкание всего спектра украинской историографии, как тогда говорили, на принципах этнографизма, хотя заметнее был факт наличия в сообществе национальных историков многочисленных линий противостояния, генерированных не только «последовательными марксистами». Тем не менее более основательное втягивание своих украинских идеологических единомышленников в орбиту Общества историков-марксистов для руководства организации оказывалось наущной задачей времени. В отчете совета Общества за 1927 г. его ученый секретарь П. О. Горин (Коляда) указывал на неоднократную постановку вопроса об организации филиалов, тем более он говорил, ряд мест, как, например, Ростов, Харьков, Одесса, Ташкент, обращались в совет с такой просьбой, но он не решался «из боязни, что не имея достаточно сплоченного ядра выдержанных историков-марксистов на местах, мы не сможем обеспечить работу этих филиалов в направлении, которое нам желательно». Однако, констатировал Горин, «мне кажется, что увязка работы общества с провинцией в настоящее время чрезвычайно актуальна и своевременна»⁸.

В ноябре 1927 г. в Москве на секции истории России и ВКП (б) Общества историков-марксистов

стов был заслушан доклад старого большевика М. Е. Равич-Черкасского (Рабиновича), считавшегося первым официальным историком КП (б) У, «Зарождение и первые этапы марксизма на Украине». В 1928 г. украинские историки включались в состав советских делегаций, выезжавших за границу на международные исторические форумы. На Берлинской исторической неделе М. И. Яворский сделал доклад «Западно-европейское влияние на идеологию украинского общественного движения во второй и третьей четверти XIX столетия», а В. А. Юринец – «Социальный процесс в зеркале украинской литературы XX столетия». Тот же самый доклад был прочитан Яворским на VI Международном конгрессе историков в Осло, Юринец же выступил с несколько обновленной темой: «Главные течения в современной украинской литературе». Примечателен также и тот факт, что на конгрессе советская делегация добивалась допущения представителей Украины и Белоруссии в состав его оргкомитета⁹. В журнале «Историк-марксист» печатались вполне благожелательные рецензии на работы украинских коллег из Института марксизма-ленинизма¹⁰. В то же время в харьковских изданиях появлялись критические отзывы московских историков о сочинениях местных исследователей¹¹.

Однако украинские историки-марксисты были далеко не все единодушны в объединительных устремлениях и не спешили отказываться от своего особого положения в «едином фронте борьбы против старой буржуазной школы и новых мелкобуржуазных течений», о чем они вскоре дали понять в ходе Всесоюзной конференции историков-марксистов. Вначале М. И. Яворский, выступая на пленарном заседании конференции об итогах работы марксистских учреждений на Украине, вполне определенно отвел обвинения, прозвучавшие в отчетном докладе П. О. Горина, об опасности задержки с организацией Общества историков-марксистов на Украине¹². Несмотря на отсутствие объединяющего центра, – заявил Матвей Яворский, – «ими были осуществлены два важных достижения: 1) создана марксистская схема украинского исторического процесса, вытеснившая популярную теорию «бесклассовости» украинской истории, и 2) написаны учебники, сделавшие эту схему достоянием масс и учащейся молодежи», а само Украинское общество историков-марксистов в составе 40 членов было открыто 20 декабря 1928 г.¹³ Затем во время решения вопроса о преобразовании Общества во всесоюзную организацию часть украинской делегации голосовала против, хотя это особенно и не афишировалось, а ее руководством категорически отрицалось¹⁴.

Конфликтная ситуация, названная М. Н. Покровским «тягостным диссонансом», на Всесоюзной конференции историков-марксистов возникла во время обсуждения на секции истории народов СССР доклада М. И. Яворского «О современных антимарксистских течениях в украинской исто-

рической науке»¹⁵, когда с украинской стороны поступили упреки в адрес российских историков в «великодержавном шовинизме». Это, по сути, политическое обвинение было брошено сотрудником Украинского института марксизма-ленинизма З. Н. Гуревичем в связи с выходом работы М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян» и второго тома сборника «Крестьянское движение в 1917 г.». По словам Гуревича, достаточно было того факта, что в «катехизисе» Соединенных славян не было упомянуто Украины, чтобы Нечкина смогла «так искусно абсолютно обойти вопрос» об украинских моментах, освещая историю «общества людей, которое вышло из украинского общества, которое, собственно, вскормилось на украинских традициях». Руководитель архивной системы УССР историк М. А. Рубач (Рубанович), развивая эту мысль, пошел дальше: «так как Кирилло-мефодиевцы произошли от Соединенных славян, то и у них была украинская основа»¹⁶.

Эти претензии к историографии центра вызвали незамедлительные возражения со стороны московских историков, прежде всего Нечкиной, не только вновь отрицавшей наличие особого «украинского декабризма», но и, защищаясь от обвинений в «великодержавном шовинизме», с видимым удовольствием приведшей цитату из книги одного украинского исторического деятеля, где украинцы названы «малороссами». Выступил и Покровский, заявив, что «т. Гуревич в этом вопросе “о проявлении великодержавности” у русских историков-марксистов невероятно перегнул палку, чрезвычайно ее перегнул», и предложил считать данный эпизод «чистейшим недоразумением»¹⁷. Но уже после конференции мэтр советской историографии назовет его «малотактичным националистическим выпадом», который спровоцировал ответные действия, каким «на нашей конференции, казалось бы, совсем не место»¹⁸.

В полемику украинских и русских историков по проблемам этноцентризма («этнографизма» – в терминологии того времени) в этих двух национальных комплексах историографии вынужден был включиться и М. И. Яворский. Вслед за своими коллегами с Украины он указал «некоторым нашим русским товарищам-марксистам» на неправильное использование ими названия «русское» даже для «не русских явлений». В целом же он занял положение обороняющейся стороны. Сетовал на отсутствие марксистской традиции в историографии Украины, обращался за помощью к «русским историкам» в борьбе «против вульгарного экономического материализма и национального марксизма»¹⁹. Но положение Яворского в парадигме тогдашней советской историографии «предпочтения классового объяснения этнографическому» оказывалось весьма шатким, несмотря на все изошренные попытки соединить «пролетарскую методологию» и национальное начало. В своих трудах он заявлял, что нельзя отбрасывать «в синтезе революционного движения

в России» явления только потому, что они «носили свою национальную украинскую форму», и тут же делал оговорку, ставящую под сомнение это положение, «что все же нельзя подходить с этнографическим принципом к историческим явлениям». Заявлены как бы тезис и антитезис. Но синтез не достигается, поскольку он невозможен в принципе. «Когда я говорю – украинское революционное движение, – я понимаю, что это не есть одно национальное движение, а это есть революционное движение, которое происходило на территории Украины, увязываясь с украинской действительностью». Соответственно нельзя говорить, что какой-либо революционер «перестал быть украинским революционером потому, что ушёл от украинства» и что «украинское революционное движение есть только в этнографических границах, а русское революционное движение – в русских этнографических границах»²⁰. Концептуальный тупик был очевиден. Как считают Г. А. Бордюгов и В. М. Бухараев, еще можно было преодолеть, допустим, «бесклассовость украинского исторического процесса» М. С. Грушевского, но даже чисто технически, в смысле систематизации и структурирования материала, невозможно уйти в конкретном исследовании по истории украинского этноса от порицаемого марксистами «принципа этнографического отмежевания украинского исторического процесса от русского исторического процесса на Украине»²¹.

Критика взглядов М. И. Яворского прозвучала на Всесоюзной конференции в выступлении П. О. Горина, который указал на то, что своими заявлениями о революционности украинской буржуазии в 1905 и 1917 гг. историк дает иную «расстановку классовых сил, чем это было в России, а это приводит к отсутствию определенной марксистской схемы, что в свою очередь ведет к ряду небольшевистских положений»²². После конференции дискредитация Яворского в Обществе историков-марксистов, не в последнюю очередь усилиями того же Горина, стала стремительно раскручиваться. Уже 10 января 1929 г. он публикует в «Правде» рецензию на книгу М. И. Яворского «Історія України в стислому нарисі»²³, которая была рекомендована наркоматом просвещения УССР в качестве школьного учебника «как удачная и талантливая популяризация полного марксистского курса истории Украины»²⁴. Основные положения рецензии, которая, по словам автора, вскрывает «только основные методологические ошибки», которые «подтверждены цитатами или ссылкой на соответствующие страницы книги», сводились к тому, что Яворским не показана фактическая гегемония пролетариата в революциях на Украине, игнорируется работа РСДРП на Украине, преувеличена роль РУПа, исторически искажена роль кулачества, которое у Яворского является революционной силой и идеологом крестьянского движения. Наконец, отмечалось и то, что Яворский «не марксистски подошел к истории

национального движения, подчас фетишизируя национальный момент, выдвигая его на первое место и отодвигая на задний план классовую борьбу». Эти вопросы Горин считал «принципиальными»²⁵.

Не вполне осознавая, по всей видимости, уязвимость своего положения, М. И. Яворский вскоре помещает ответную статью в органе Института марксизма-ленинизма «Прапор марксизму», в которой вновь, как и его коллеги на Всесоюзной конференции, он вытаскивает жупел великодержавного шовинизма, предпослав статье заголовок «Донкихотство или Руссотяпство». Спекулируя на национальном моменте, Яворский попытался изобразить полемику со стороны Горина как «завдания – дать не критику моей книжки, а дискредитировать цим шляхом ідею асоціації істориків-марксистів» и обвинил того в троцкизме²⁶. Этот шаг стал роковым для него, окончательно поссорив с московскими историками, после чего в менявшейся в 1929–1930 гг. общей политико-идеологической ситуации ему уже не оставалось места не только в историографии, но и в самой новой жизни.

Быстро среагировал на выпад Яворского многоопытный М. Н. Покровский. Подводя итоги Первой всесоюзной конференции в журнале «Историк-марксист», он указал, что «в статьях украинских историков, появившихся после конференции, диссонанс не ослабел, а стал резче». И далее следовала эмоциональная тирада, адресат которой вполне угадывался. «Некоторые – и выдающиеся – украинские историки-марксисты, – писал Покровский, – пришли к нам сравнительно недавно, пришли из партий идеологически полярно противоположных марксизму... И вот, некоторым украинским историкам-марксистам начинает казаться, что учение о гегемонии пролетариата в буржуазной революции есть троцкизм (!). Другие находят, что классовое объяснение идеологий должно быть “поправлено” этнографическим: не только, говорят они, такие-то суть мелкие буржуа, но именно *украинские* мелкие буржуа, и в этом гвоздь. Эдак ведь можно докатиться и до того, что не то важно, что Дзержинский был коммунистом, а то, что он был поляк. И пожалуй, даже и до того, что не то важно, что Ленин был величайшим из вождей рабочего класса, а то, что он был великоросс (и улика налицо – статья о “национальной гордости великороссов”). Словом, трудно себе представить, до какой нелепости можно докатиться с таким “классово-национальным” методом. Не удивительно, что среди украинской исторической молодежи проскальзывают такие течения: люди, которые еще относительно недавно, уже взрослыми людьми, были националистами, не могут сразу совлечь с себя ветхого Адама, это естественно. Но удивительно, что старые ленинцы, националистами никогда не бывшие, им в этом потакают и их в этом поддерживают. Неужто до такой степени “бытие определяет сознание”?»²⁷

Последние слова, безусловно, служили как бы сигналом руководству СССР присмотреться повнимательнее к позиции «украинских товарищей», имевших революционные заслуги в прошлом, а ныне занимающих ответственные партийно-государственные посты на Украине²⁸.

Не менее острой была реакция самого П. О. Горина. В письме в редакцию журнала «Историк-марксист» он обвинил Яворского в «недопустимости литературных приемов полемики» и непонимании основ марксизма и ленинизма. Отводя от себя наветы политического характера, Горин с обидой отмечал: «Напрасно М. Яворский делает из меня (белоруса и политэмигранта Зап. Белоруссии – к сведению Яворского) “руссотяпа”. Ни с какой точки зрения совершенно не основателен брошенный мне упрек в руссотяпстве за утверждение о социально-родственных исторических процессах России и Украины или за указание, что Яворским не “отмечена ... помощь украинскому пролетариату и крестьянству” со стороны русских рабочих Ленинграда, Москвы, Иваново-Вознесенска и др.». Как приговор украинскому историку звучали последние слова письма Горина: «книга Яворского не большевистская книга и является историческим обоснованием национал-правого уклона»²⁹.

В конце мая 1929 г. П. О. Горин по поручению комфракции Общества историков-марксистов направил в Секретариат ЦК ВКП (б) и лично Л. М. Кагановичу письмо в связи с кандидатурой М. И. Яворского в члены Комакадемии. Историческая концепция Яворского расценивалась здесь как попытка «приспособления к ленинской схеме национально-демократической революции схемы Винниченко». Если «зависимость» концепции историка от украинских националистов Горин был склонен квалифицировать как «односторонность» и «ошибку», то изображение революции 1905 г. на Украине Горин считает «прямой фальсификацией истории». В качестве доказательства своих обвинений он апеллировал к «азбуке ленинизма» по вопросу о гегемонии пролетариата в революции 1905–1907 гг. За этими оценками следовал вопрос о возможности пребывания Яворского в «рядах членов какого бы то ни было уважающего себя марксистско-ленинского учреждения»³⁰.

Таким образом, установить единый фронт русских и украинских историков-марксистов, «может быть, на время даже позабыв украинские, белорусские и великорусские, как выражаются, традиции», как предлагал на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов М. Н. Покровский³¹, с самого начала не получалось. Г. А. Бордюгов и В. М. Бухараев причину этого склонны видеть в том, что первые российские историки-марксисты оказались в плену имперских традиций русской историографии, а «великорусскую идею в историографии они, скорее всего, воспринимали в качестве единой большевистской позиции, боевой интернациональной идеологии,

призванной вразумлять национал-уклонистов в среде марксистов из национальных республик»³². Однако напрасно в трудах и выступлениях М. Н. Покровского и его учеников, с завидным упорством до середины 1930-х гг. «разоблачавших» великодержавный шовинизм С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, С. В. Бахрушина, мы будем искать какие-либо имперские мотивы. Никогда с их стороны не было даже намека на критику важнейшего тезиса схемы М. С. Грушевского, объявлявшего Древнюю Русь формой государственного существования украинской нации, тем самым отказывая русскому народу в историческом наследии киевского периода. Более того, в вопросе о генезисе русского народа и образовании Московского государства позиции Грушевского и Покровского фактически смыкались. В предисловии к чешскому изданию своей «Русской истории в самом сжатом очерке» (1930 г.) М. Н. Покровский утверждал, что «родной великороссов было небольшое пространство между реками Окой и верхней Волгой, там, где теперь находится Московская промышленная область», а вся их последующая история была историей грабежей, захватов и революций³³. Как раз с имперской традицией в российской историографии 1920–1930-х гг. первые историки-марксисты вели непримиримую борьбу. В наиболее заостренной форме это выразил один из активных ее участников С. А. Пионтковский: «Разрешение национального вопроса Платоновым, Любавским, Бахрушиным, Маркевичем, продолжение ими традиции Ключевского – это политическое выступление тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности, кто до сих пор не понял, что подменить историю народов СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии»³⁴. Первым историкам-марксистам нужен был незамутненный никакими «этнографизмами» взгляд на историю, стержнем которой являлись система производства, экономическая борьба и порожденная ею борьба классов, приведшая в бывшей Российской империи к социалистической революции. Именно на этой основе происходило выяснение отношений с историками-марксистами в национальных республиках.

Летом 1929 г. в Обществе историков-марксистов Украины состоялась специальная дискуссия об исторической концепции М. И. Яворского. Она была организована по указанию ЦК КП (б) У, поскольку, как признавалось в хронике «“Историк-марксист” за 5 лет», вплоть до 1931 г. у руководства Общества в Москве «существовала только информационная связь с украинским советом общества», «историки-марксисты-украинцы находились на отлете»³⁵. Во время дискуссии ряд коллег Яворского выступил с открытой критикой взглядов историка. Ее лейтмотивом был тезис о том, что «действительно, М. Яворский пытается

проследить историю классовой борьбы на всех этапах развития, однако автору все же не удалось дать марксистскую схему исторического процесса на Украине»³⁶. Солидаризируясь с общим пафосом дискуссии, ученик Яворского Трофим Скубицкий определял, что если период феодализма М. Яворским в «Истории Украины в сжатом очерке» был освещен «более менее правильно, то провалы начинаются, когда автор переходит к изложению казацкой революции, ее последствий и освещению периода гетмановщины», но «подмена классового марксистского анализа формально-националистическим с особой силой проявляется у Яворского, когда он излагает события конца XIX и начала XX вв.». Таким образом, по мнению Скубицкого, книга «никак не может претендовать на название марксистской работы, а как учебник она безусловно вредна, так как не дает нашему учащемуся подлинной картины классовой борьбы на Украине»³⁷.

5 сентября 1929 г. М. И. Яворский публикует в республиканской газете «Коммунист» оправдательную статью «О моих ошибках в концепции истории Украины», где он признает ряд своих неверных трактовок, на которые ему указывали «товарищи-марксисты», в первую очередь то, что он «ошибочно определил роль украинской буржуазии в целом в этой революции (1905 года). Ибо, признавая правильно эту революцию буржуазной, я ошибаясь, переоценив роль украинской буржуазии, сделал ее движущей силой буржуазно-демократической революции на Украине». Несмотря на то что Яворский продолжал еще некоторое время защищаться и каяться, «критика» историка вскоре подошла к своему логическому завершению: он был исключен из партии (официально за сокрытие службы в жандармерии в годы Гражданской войны) и из Общества историков-марксистов. В резолюции общего собрания Общества историков-марксистов от 30 марта 1930 г. Яворский уже был назван «политическим авантюристом», а его деятельность – «идеологическим вредительством», «национально-демократическим извращением марксизма», на что «О-во историков совместно с историками марксистами и коммунистами Украины неоднократно обращало внимание»³⁸. В отчетном докладе ЦК на XI съезде КП (б) У в июне 1930 г. в разделе «Борьба за ленинскую линию, в национальном вопросе» руководитель украинской парторганизации С. В. Кошиор для характеристики деятельности Яворского впервые употребил термин «яворщина», ставший в 1930-е гг. политическим ярлыком для обозначения целого явления национальной историографии. 10 марта 1931 г. Матвей Яворский был арестован ГПУ СССР как один из руководителей вымышленного антисоветского «Украинского национального центра» (УНЦ), отбывал заключение в Соловецком лагере, а в 1937 г. был расстрелян по постановлению тройки НКВД по Ленинградской области. Так закончилась карьера и жизнь историка, проделавшего, как он сам выразился, «путь

от галицийского националистического мещанства к большевизму»³⁹, но, как оказалось, в том его виде, который в условиях борьбы с разного рода уклонами был неприемлем для власти.

Еще раньше дела УНЦ, по которому был осужден М. И. Яворский и арестовывался М. С. Грушевский⁴⁰, летом 1929 г. возникло дело «Союза освобождения Украины» (СВУ), которое часто сравнивают с «Академическим делом» в России. Дело СВУ затронуло значительную часть видных представителей украинской научной интеллигенции, в том числе академик-историков – С. А. Ефремова, М. Е. Слабченко, К. А. Воблого, профессоров Й. О. Гермайзе, П. А. Ефремова и др., не принадлежавших к историографии марксистского направления. Тем самым организационный развал украинской историографии в том виде, в котором она сложилась в 1920-е гг., фактически состоялся. Она оказывалась неприемлемой для последующего социалистического развития в целом и для продвижения новой концепции отечественной истории, призванной в условиях капиталистического окружения и обострения международной обстановки служить объединению всех этносов в СССР в частности. Можно только предполагать, насколько этот развал ускорила встреча И. В. Сталина 12 февраля 1929 г. с украинскими писателями, которая показала, что представители элиты гуманитарной интеллигенции Украины склонны рассматривать общегосударственные вопросы исключительно с точки зрения национальных интересов⁴¹. Дальше последовала кампания по окончательному идеологическому и концептуальному «разоблачению» видных представителей всех течений национальной историографии. Основную роль в этом сыграли члены украинского Общества историков-марксистов, стоявшие, как считалось, на «твердых классовых позициях», объективно тем самым способствуя формированию единой советской историографии на сталинской основе.

Сигналом к началу разоблачительной кампании против «буржуазных и мелкобуржуазных националистических концепций» и их «классовой природы» стала статья уже упоминавшегося ранее Т. Т. Скубицкого «Классовая борьба в украинской исторической литературе», в которой давалась оценка исторических взглядов видных представителей украинских историографических течений – М. Грушевского, Д. Багалея, В. Слабченко, А. Оглоблина, М. Яворского и Й. Гермайзе⁴². В статье указывалось, что борьбе с антимарксистскими течениями «препятствовало то обстоятельство, что руководство многими кафедрами, изучающими историю Украины, оставалось до последнего времени в руках членов СВУ или им сочувствующих»⁴³. По мнению автора, Грушевский как политический деятель принадлежит прошлому, но «как историк и публицист он представляет значительный общественно-политический интерес», поскольку он, как и его

многочисленные сотрудники и аспиранты, широко и настойчиво пропагандируют буржуазную схему украинского исторического процесса, в основе которой лежит принцип отсутствия классов и классовой борьбы»⁴⁴, а его концепция служит «для обоснования политических притязаний остатков мелкобуржуазных, националистических партий». Слишком слабо, считал Скубицкий, «еще разоблачен как враг марксизма в области исторического изучения Украины» Й. Гермайзе, историко-экономическими исследованиями В. Слабченко и А. Оглоблина «обосновывалась программа “Союза освобождения Украины” с его планами восстановления буржуазной власти на Украине при помощи немецкого, польского и французского империализма»⁴⁵, а Д. Багалей лишь «из тактических соображений выдавал себя за марксиста, хотя следовал за Грушевским»⁴⁶. В число сторонников последнего попал и самый до недавнего времени его активный критик – Яворский, скрывая якобы это под марксистской фразеологией⁴⁷. Опасность «яворщины» виделась и в том, что подобных взглядов придерживались его ученики: Сухино-Хоменко, Свидзинский и др.

Единственный, кто смог ответить Трофиму Скубицкому, был академик Д. И. Багалей (умер в 1932 г.). Он отправил развернутое письмо в журнал «Прапор марксизму» с опровержением обвинений в антимарксизме, объединении его взглядов со взглядами Грушевского, Гермайзе и Яворского. «Я действительно, – писал он, – “декларировал присоединение к марксизму” еще тогда и при тех обстоятельствах, когда его не воспринимал фактически ни один из старых историков на Украине. Декларировал ... потому, что признал и признаю марксизм как единственно революционную идеологию пролетариата, потому что признаю и поддерживаю сознательно для себя не только классовую борьбу, но и диктатуру пролетариата»⁴⁸. Письмо напечатано не было.

24 февраля 1931 г. Секретариат ЦК КП(б)У принял постановление о журнале ВУАН «Украина», который редактировал Грушевский. «В связи с тем, – отмечалось в постановлении, – что в работах ВУАН в области истории есть большой ряд работ, которые распространяют буржуазно-националистические взгляды, в частности, журнал «Украина», который эти взгляды систематически пропагандирует в различных формах, причем проводит такую линию открыто, игнорируя дело социалистического строительства Украины, признать необходимым: а) предложить Обществу историков-марксистов организовать ряд научных докладов с критикой исторической продукции ВУАН, в частности, поместив статьи с критикой журнала “Украина”; б) предложить Обществу историков-марксистов развернуть критику буржуазно-националистических работ М. Грушевского»⁴⁹. Такие статьи вскоре появились в журналах «Прапор марксизму», «Летопись революции» и др. Кроме того, в филиалах Общества истори-

ков-марксистов в Харькове, Киеве и Одессе состоялись дискуссии по трудам других историков, обвиненных в «протаскивании украинского национализма в научную работу»⁵⁰.

Последняя волна разоблачительной кампании, охватившая Общество историков-марксизма, против национализма в украинской историографии пришлось на время после XVI съезда ВКП(б), на котором прозвучали слова И. В. Сталина о решительном наступлении не только на капиталистические элементы, но и оппортунистов в рядах самой партии. Откликаясь на этот призыв, М. Н. Покровский в редакционной статье журнала «Историк-марксист» в 1931 г. указывал, что на новом этапе приходится разоблачать «уже не буржуазных специалистов, ... а их приятелей и последователей среди партийных уклоновистов – правых и левых», это задача «более трудная и нудная, чем предыдущая. В то время как буржуазные историки в качестве честных реакционеров более или менее четко формулировали свои взгляды, оппортунисты из партийных уклонов, за единичными исключениями, всячески этого избегали». Поэтому, настраивал своих единомышленников лидер советских историков, необходимо сейчас подтянуться, прежде всего в деле создания истории народов СССР, где «целая огромная область – область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как главной опасностью и местными националистами, как опасностью второстепенной»⁵¹.

Уже в следующем номере «Историка-марксиста» под рубрикой «Критические статьи» была опубликована большая статья С. Гехтмана «Правооппортунистическая ревизия Ленина под флагом критики национал-демократизма (О статье т. М. Рубача в № 5 журнала «Летопись революции»)», призывавшая «решительно реагировать на все и всяческие проявления реакционных, националистических взглядов в историографии, решительно разоблачать тех отдельных историков-коммунистов, которые подпадают под влияние чуждой идеологии и вольно или невольно становятся проповедниками буржуазного национализма», а также разоблачать тех, кто проявляет примиренческое отношение к «скрытым, замаскированным врагам»⁵². Примером такого примиренческого отношения к национал-демократизму на украинском историческом фронте, к «яворщине», по мнению С. Гехтмана, и является статья М. А. Рубача, занимавшего в то время пост директора Института истории партии при ЦК КП(б), под названием «Против ревизии большевистской схемы характера и движущих сил революции 1917 года на Украине».

С. Гехтман характеризовал статью Рубача как содержащую «в себе грубейшие извращения, переходящие в форменную ревизию ленинского учения в кардинальнейшем вопросе о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую», и удивлялся тому, что она была

«напечатана без единого примечания редакции и не встретила до сих пор необходимой резкой критики в рядах украинского Общества историков-марксистов»⁵³. Схема революции 1917 г. на Украине у Рубача строилась на том, что главным в ней был аграрный вопрос, тогда как таковым, по Ленину, был вопрос о власти. Рубач считал, что с февраля до июля 1917 г. был буржуазно-демократический этап, а потом начался переход к социалистической революции (у Ленина никаких этапов не было). Ключевым в концепции историка являлся вполне резонный тезис о том, что «общий исторический ход революции на Украине выдвинул на протяжении 1917–1920 гг. столько особенностей, что для правильного понимания развития украинской революции необходима отдельная дополнительная схема, которая, как всякая схема, имеет вспомогательный, служебный характер»⁵⁴. Эта схема Рубача Гехтманом объявлялась подменой ленинизма «каменевщиной» и «примиречеством к национал-демократизму». От украинских историков-марксистов автор требовал определить свое отношение «к ревизионистским, антиленинским положениям, содержащимся в статье т. Рубача. И чем скорее это будет сделано – тем лучше»⁵⁵.

Действительно, пройдет не так много времени и свое отношение к обвинявшим друг друга «последовательным» украинским историкам-марксистам определят не только их коллеги по цеху, но и власти. Многие из них, как и из среды первых историков-марксистов в РСФСР, попадут в жернова политических репрессий середины 1930-х гг., освобождая тем самым историографическое пространство для продвижения новой концепции украинской истории, не входившей в противоречие с общей схемой истории СССР.

Примечания

- 1 Об обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 317.
- 2 *Оглоблин О.* Українська історіографія 1917–1956 / пер. с англ. Київ, 2003. С. 5–51.
- 3 *Нечкина М. В.* Юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 187.
- 4 Там же. С. 189.
- 5 Там же.
- 6 Там же. Спустя 40 лет академик М. В. Нечкина будет более кагоричной в данном вопросе, заявляя, что «эта ошибочная концепция отражала тенденции буржуазного национализма в исторической науке. Она в угоду им явно насильствовала факты: выделение Украины в самостоятельную политическую единицу вообще отсутствовало в идеологии декабризма (в частности, в Обществе соединенных славян)» (Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. М., 1966. Т. IV. С. 345).
- 7 *Нечкина М. В.* Указ. соч. С. 188.
- 8 Общее собрание членов Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 276. Эту мысль относительно Украины П. О. Горин усилит в отчетном докладе на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, заявив о том, что «на Украине организация общества, к сожалению, задержалось, хотя потребность сплочения подлинно-марксистских кадров там острее, чем в других местах» (Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 224).
- 9 *Миц И. И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI Международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 96.
- 10 См.: *Невский В. И.* Рецензия на книгу З. Гуревича «Молодая Украина» // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 286–287.
- 11 См.: *Горин П.* Як не треба писати історії // Летопис революції. 1928. № 6. С. 321.
- 12 Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 224.
- 13 Всесоюзная конференция историков-марксистов. Пленарное заседание // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 225.
- 14 *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 8.
- 15 В своем докладе М. И. Яворский, как показали дальнейшие события, в том числе и современные, был не далек от истины, представляя работы большинства тогдашних украинских немарксистских историков в качестве теоретико-исторического оформления идей национализма и фашизма.
- 16 Всесоюзная конференция историков-марксистов. Секция история народов СССР // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 240–241.
- 17 Там же. С. 241.
- 18 *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов. С. 9.
- 19 Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов : в 2 т. Т. 1. М., 1930. С. 464.
- 20 Там же. С. 461, 465–466.
- 21 *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как национальные истории писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 96.
- 22 Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 242.
- 23 Сжатый очерк М. И. Яворским был создан на основе его «Нарис історії України», который с 1922 г. выдержал с небольшими изменениями пять изданий, и только шестое издание в 1930 г. было задержано агитпропом ЦК КП(б)У.
- 24 Летопис революції. 1928. № 6. С. 361.
- 25 *Горин П.* Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 334.
- 26 Прапор марксизму. 1929. № 9. С. 32–41.
- 27 *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 8–9.
- 28 Нарком просвещения УССР и директор Украинского института марксизма-ленинизма М. И. Скрипник, до этого весьма активно поддерживавший Яворского, был вынужден напечатать статью «Ошибки и исправления академика Яворского».
- 29 *Горин П.* Письмо в редакцию. С. 335.
- 30 *Орлов И. Б.* Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» URL : <http://www.hse.ru/>

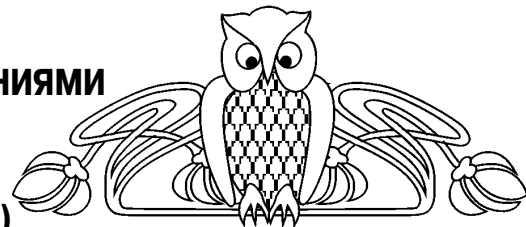

- data/2012/12/09/1300531716/Историк%20сталинской%20эпохи.pdf (дата обращения : 12.03.2015).
- ³¹ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. С. 456.
- ³² Бордюгов Г. А., Бухараев В. М. Указ. соч. С. 102.
- ³³ Покровский М. Н. К истории СССР (Предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке») // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 18–19.
- ³⁴ Пионтковский С. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 26.
- ³⁵ «Историк-марксист» за пять лет (1926–1930 гг.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 136.
- ³⁶ Літопис революції. 1930. № 2. С. 272–302.
- ³⁷ Скубицкий Т. М. Яворский. История Украины в сжатом очерке // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 282–285.
- ³⁸ Резолюции, принятые на общем собрании Общества от 19. III-30 // Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 167.
- ³⁹ Яворский Матвей Иванович, родился в с. Кормчин (Галиция) в крестьянской семье, закончил Львовскую гимназию, а в 1910 г. – Львовский университет по специальности «история и политэкономия». В Первую мировую войну был призван в австрийскую армию, служил в чине поручика. В период Гражданской войны работал пропагандистом при штабе австрийского уполномоченного в г. Холм, в 1918 г. при штабе уполномоченного Австрии при Центральной Раде, затем при гетмане Скоропадском в Киеве. С конца 1918 г. был начальником жандармерии в Галиции. В 1919 г. в составе галицийской армии переходит на сторону Красной армии, в 1920 г. был принят в Коммунистическую партию. С окончанием Гражданской войны и вплоть до ареста в 1931 г. занимался преподавательской и научной работой в Коммунистическом университете им. Артема, Украинском институте марксизма-ленинизма (с 1923 по 1931 г.), Ленинградском государственном музее (с 1930 по 1931 г.). Был избран председателем Харьковского научного общества, академиком ВУАН.
- ⁴⁰ 12 января 1929 г. М. С. Грушевский был избран действительным членом АН СССР, с 1930 г. и до смерти в 1934 г. работал в Москве.
- ⁴¹ Смысл встречи вместо ожидаемого серьезного разговора о литературе свелся к совершенно банальным вопросам – отдать Украине Курскую и Воронежскую области, часть Кубани, якобы заселенные украинцами, запретить пьесу Михаила Булгакова «Дни Турбиных» как антиукраинскую, в которой «единая и неделимая выпирает» (см.: Искусство кино. 1991. № 5).
- ⁴² Характерно, что рядом со статьей Т. Скубицкого в этом же номере «Историка-марксиста» были опубликованы такой же направленности статьи С. Пионтковского «Великодержавные тенденции в историографии России» и М. Югова «Положение и задачи на историческом фронте Белоруссии».
- ⁴³ Скубицкий Т. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 27.
- ⁴⁴ Там же. С. 30–31.
- ⁴⁵ Там же С. 35.
- ⁴⁶ Там же. С. 37.
- ⁴⁷ Там же. С. 38.
- ⁴⁸ Кравченко В. В. Д. И. Багалей : научная и общественно-политическая деятельность. Харьков, 1990. С. 143.
- ⁴⁹ Цит. по: Стоян Т. А. Політична цензура 1920–1930-х років та її вплив на митців України : М. О. Булгаков // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. 2010. № 3(55). С. 113.
- ⁵⁰ См.: Стариків Г. Зачистка ідеологічної території надєдодні заснування інституту історії АН УРСР. Д. І. Багалій і більшовицька репресивна машина в останні роки життя // Історіографічні дослідження в Україні : Зб. наук. пр. 2012. Вип. 22. С. 669.
- ⁵¹ Покровский М. Н. О задачах марксистской исторической науки // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 4–5.
- ⁵² Гехтман С. Правооппортунистическая ревизия Ленина под флагом критики национал-демократизма (О статье т. М. Рубача в № 5 журнала «Летопись революции») // Историк-марксист. 1931. Т. 22. С. 160.
- ⁵³ Там же. С. 160–161.
- ⁵⁴ Літопис революції. 1931. № 5. С. 6.
- ⁵⁵ Историк-марксист. 1931. Т. 22. С. 170.

УДК 94:329.055.2

ПРИМЕНЕНИЕ ВОЙСК НКВД В БОРЬБЕ С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1944–1945 годы)

А. А. Климов

Центр оперативно-тактических исследований внутренних войск МВД России, Москва
E-mail: yakut12@post.ru

В статье рассмотрены особенности служебно-боевой деятельности личного состава войск НКВД в борьбе с националистическими

формированиями на территории Прибалтики. Дается характеристика националистическим организациям, действовавшим в Эстонии, Латвии и Литве. Показаны особенности применения частей и подразделений войск при борьбе с бандитизмом в прибалтийских республиках.

Ключевые слова: войска НКВД; националистические формирования; борьба с националистическим подпольем; управление Прибалтийского округа внутренних войск.